

«Я всегда был свободен»

Пик популярности Юрия Антонова пришелся на середину восьмидесятых годов. Его песни звучали с телеэкрана, записанные на пластинки, моментально исчезали с полок магазинов. А потом наступило долгое молчание. Поклонники компози-

Юра, если это возвращение, то оно приобрело политический оттенок. Я имею в виду инцидент, когда объявленное Ленинградским телевидением выступление Б. Ельцина в Москве заменили вашим концертом. Что вы об этом думаете?

— Надеюсь, зрители поняли, что Юрий Антонов здесь ни при чем. Политикой я никогда не занимался, но как человек симпатизирую Ельцину. То, что произошло, расцениваю как еще одну попытку наступления на гласность. И, как видно, не последнюю. Я очень сожалею, что меня сделали соучастником возни тех людей, взгляды которых я не разделяю, да и сам от них немало пострадал.

— Это имеет отношение к паузе в вашей концертной деятельности?

— Самое прямое. Дело в том, что несколько лет назад на гастролях в Куйбышеве я резко высказался в адрес местных властей. На моих концертах представители всех рангов городского начальства занимали первые ряды партера. Приходили не потому, что интересовались музыкой вообще или моим творчеством в частности, а из престижа.

Я сказал об этом со сцены. Незамедлительно были приняты меры — мне сорвали очередной концерт, а затем последовало распоряжение бывшего первого секретаря обкома партии убрать час из города. Появились разгромные статьи в «Советской

торского и исполнительского таланта артиста недоумевали: что с Антоновым? И вот недавно после многолетней паузы ЦТ все-таки показало фильм-концерт Юрия Антонова. Многие восприняли это как добрый знак.

России», «Советской культуре». Тогда в знак протеста я ушел из Москонцерта.

Дорогу на телевидение мне сразу же закрыли, а снятый тогда же фильм-концерт положили на «полку», где он пролежал больше двух лет.

— Насколько я понимаю, сейчас положение меняется. Художники наконец-то получают свободу.

Должен признаться, как это ни парадоксально, но я всегда был свободен. Почему еще меня и не любили всякого рода чиновники от культуры. Я никогда не зависел от того, даст мне работу администрация Москонцерта или нет, потому что в основном зарабатывал себе на жизнь как композитор. Меня пробовали укротить. Например, требовали, чтобы я выступил с концертом на юбилее какого-нибудь завода. Никому и дела не было до того, что мне пришлось бы ради него тащить три трейлера аппаратуры, везти 26 человек группы. Я отказывался, и они терпели только потому, что я приносил Москонцерту немалую прибыль.

Что касается свободы, о которой вы говорите, то на себе я ее ощутил два-три года назад, когда вновь получил возможность выезжать за рубеж. После конфликта в Куйбышеве все мои зарубежные гастроли отменили. Госконцерт аннулировал уже подписанный контракт с иностранной фирмой, и она понесла

убытки в 40 тысяч долларов. Сейчас все значительно проще — артист может сам договориться о гастрольях через посредническую фирму.

— Как вы относитесь к тому, что искусство все больше политизируется?

— Нам всегда вредили крайности. То массированный удар рок-музыки, то чрезмерное увлечение поп-ансамблями, теперь политизация театра, кино, эстрады. Сплошь политизированы даже тексты песен. Не уверен, что это то, что нужно сегодняшнему зрителю и слушателю, на которого подобная информация давит все 24 часа в сутки.

— Что вы думаете о состоянии сегодняшней эстрады?

— На мой взгляд, оно удручающее. С одной стороны, люди получили возможность заниматься творчеством без каких-либо ограничений, с другой — слишком легким стал доступ на эстраду, телевидение, в студию грамзаписи. Появилось огромное количество групп, ансамблей, но между ними нет настоящей конкуренции. Похожие названия, мелодии, которые пищутся на скорую руку, заполнили телевизионный экран.

На Западе, где шоу-бизнес развит не в пример нашему, подобная нетребовательность и вкусовщина невозможны. Там в студию грамзаписи или на телеэкран просто так не попасть, к тому же уровень публичности до-



статочно высок, и не бывает такого, чтобы она одинаково любила группы «Мираж» и «ДДТ». Я бы сказал, что у нас на эстраде царит такая же анархия, как и в стране.

— А может быть, в вас говорит ревность, скажем, к року, который, легализовавшись, сильно потеснил все музыкальные жанры на эстраде, в том числе и жанр лирической песни, в котором вы работаете?

— Ничуть, хотя бы потому, что считаю советский рок профессионально очень низким. Я не могу назвать ни одной группы, за исключением, может быть, «Парк Горького», которая приблизилась бы к европейскому стандарту, не говоря уже об американском.

Что касается конкуренции, то и здесь мы не пересеемаемся — у меня другой зритель и по возрасту, и по вкусовым привязанностям — это в основном люди моего поколения.

— И вы по-прежнему собираете огромные залы на свои концерты?

— Нет, ажиотаж уже спал. Я не вижу в этом трагедии, это естественный процесс.

Артистам сейчас вообще трудно. В жизни появилось много проблем, которые отвлекают людей от искусства. Театры и киноконцертные залы зачастую остаются без зрителя.

— И все-таки, будучи композитором, вы продолжаете оставаться и исполнителем своих песен.

— Причина того, почему я не отдаю свои песни другим исполнителям. — отсутствие закона, который бы охранял и мои права. У нас нет контрактной системы, которая бы регулировала отношения композитора и исполнителя. Допустим, я записал с молодым певцом несколько песен, он вышел с ними на телеэкран, приобрел популярность, и я уже ему не нужен.

Помимо всего, я думаю, что песня для меня уже пройденный этап. Хочу серьезно заняться музыкой для кино. Недавно закончил работу над фильмом «Дураки умирают по пятницам», который снят в творческом объединении «Паритет». Это не первый опыт. Я написал музыку к пяти фильмам. Среди них двухсерийная телевизионная картина «Приказ», две мосфильмовские — «Прежде чем расстаться», «Салон красоты».

— Юра, а можно вопрос не о работе?

— Можно. Но я уже догадываюсь, о чем вы хотите меня спросить, и сразу отвечу. Я из Минска, там живут сейчас моя мама и сестра. Не женат. В Москве у меня обычная квартира. Я много работаю, и когда выхожу из своей студии, на улице уже либо поздний вечер, либо глубокая ночь. Времени остается только на то, чтобы немного поспать. Забросил даже свой любимый теннис. И, откровенно говоря, не хотел бы что-то менять в своей жизни. Она меня устраивает.